

Трунов Ф.О.¹

Европейские государства и проблемы безопасности на Большом Ближнем Востоке: устремления и военно-политические возможности

Аннотация. Проблемы безопасности на Большом Ближнем Востоке создали для стран Европы как новые возможности (демонстрировать ответственность в качестве гарантов мира), так и новые угрозы (уязвимое положение). Неизменным лейтмотивом планов и действий стран – участниц ЕС на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке и Сахеле является стремление исключить повторение кризиса беженцев и связанного с ним роста террористической активности в Европе (2015–2017).

Методологически настоящая статья развивает положения теории урегулирования конфликтов, исследует возможности управлять конфронтацией (на примере «сдерживания» Ирана). Анализируются особенности и причины ликвидации военного присутствия европейских государств в Афганистане (2021) и Мали (2024), т.е. на «флангах» Большого Ближнего Востока, и сокращения объемов использования ВС стран – участниц ЕС в центральной части региона. Рассматриваются недостатки использования этими государствами политико-дипломатических возможностей в деле урегулирования. Указывается, что после обострения палестино-израильского конфликта (с 7 октября 2023 г.) страны – участницы ЕС пытались балансировать между интересами Тель-Авива, Палестинской национальной администрации (ПНА) и арабских стран.

¹ Трунов Филипп Олегович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, ИНИОН РАН (ltrunov@mail.ru). ORCID: 0000-0001-7092-4864.

Потерпев неудачу в попытках стать гарантами мира для нестабильных стран Большого Ближнего Востока, европейские государства в 2022–2024 гг. инициировали переход к «сдерживанию» Ирана. Страны – участницы ЕС не играли заметной роли в резком ослаблении западной части проиранской «оси сопротивления» (в Ливане и особенно в Сирии), но попытались воспользоваться сложившейся ситуацией. Их собственная борьба с йеменскими хуситами оказалась малорезультативной.

В статье делается вывод о кризисе стратегического присутствия европейских стран на Большом Ближнем Востоке и ограниченности их возможностей по его преодолению в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: *Большой Ближний Восток, Ближний и Средний Восток, Северная Африка, Сахель, НАТО, ЕС, Афганистан, Мали, Ливия, Сирия, Ирак, палестино-израильский конфликт, Иран, «сдерживание», США, Трамп.*

В данном номере журнала «Актуальные проблемы Европы» под понятием «Большой Ближний Восток» понимается совокупность пространств Ближнего и Среднего Востока (БСВ) и Северной Африки. Для понимания процессов, протекающих в этом огромном регионе, особенно в его западной части, требуется, в числе прочего, отслеживать ситуацию в районе Сахеля. Здесь издавна существовали нестабильные страны, для которых государства Европы пытались стать провайдерами безопасности. В свою очередь, разворачивавшиеся в регионе вооруженные конфликты создавали угрозы безопасности для самих европейских стран: перемещение масс беженцев, активизация террористов, контрабанда [Новикова, 2024], незаконные перевозки запрещенных и взрывчатых веществ, оружия. Наличие данных угроз, а главное – постоянные неудачи в противодействии им, оказывают заметное воздействие не только на внешнюю политику государств – членов ЕС, но и на их внутреннюю политику, в том числе – обостряют проблемы, связанные с разделенностью обществ [Лапина, 2024]. Наблюдается сокращение электоральной поддержки партий, находящихся у власти (в основном центристских), в пользу правых популистов или сил, занимающих в политическом спектре нишу между правыми популистами и правыми радикалами. С одной стороны, успешные действия по борьбе с угрозами безопасности на Большом Ближнем Востоке позволяют европейским государствам подчеркивать свою дееспособность, в том числе демонстрировать «стратегическую

автономию»; с другой – неудачи не только заметно подрывают влияние государств – членов ЕС и НАТО на мировой арене в целом, но и ставят их в оборонительное, иногда уязвимое, положение (как было, например, в ходе миграционного кризиса 2015–2017 гг.).

Следует отметить, что в 2010–2020-х годах резкое обострение ситуации на Большом Ближнем Востоке происходило, как правило, примерно через 1,5 года после возникновения качественно нового состояния конфронтации в Европе. Переход «либеральных демократий» к «сдерживанию» РФ начался весной 2014 г. вследствие операции по воссоединению Крыма с Россией, а летом – осенью 2015 г. наиболее результативное наступление ИГИЛ*¹, развивавшееся одновременно в Сирии и Ираке, спровоцировало массовые потоки беженцев и привело к резкому возрастанию уровня террористической угрозы в ЕС. В преддверии СВО и особенно после ее начала (с 24 февраля 2022 г.) Евро-Атлантическое сообщество значительно ужесточило подход к «сдерживанию» России, а 7 октября 2023 г. с новой силой разгорелся палестино-израильский конфликт, затем стала постепенно слабеть «ось сопротивления» Ирана, расти напряженность вокруг него. Возрос риск возникновения крупного военного конфликта на БСВ, на фоне которого европейские государства могут столкнуться с несоизмеримо более масштабными вызовами, чем это было в середине 2010-х годов.

Приведенная последовательность наводит на размышления. Развитие конфронтации в Европе, ее выход на качественно новый уровень представляют собой судьбоносные этапы борьбы за будущий облик нового, еще только формирующегося миропорядка. В каждом случае развитие конфронтации в Европе давало импульс масштабным изменениям в других частях мира – прежде всего, на Ближнем Востоке с характерным для него высоким уровнем конфликтности. Фокус на конфронтации с Россией требовал от государств – членов ЕС концентрации сил в Европе, что заметно сокращало их возможности действовать на иных направлениях. При этом США, помимо противодействия РФ, прежде всего стремились сосредоточиться на противодействии КНР [Сидоров, 2024].

¹ Здесь и далее по тексту сборника знаком (*) отмечены запрещенные на территории РФ террористические организации. (Прим. ред.)

В результате к середине 2020-х годов объективно сократилась та ресурсная база внешней политики, которую «западные демократии» могли задействовать на Большом Ближнем Востоке, что, в свою очередь, увеличивало свободу действий (особенно в вопросах применения силы) для внутрирегиональных игроков, и в итоге возрастала скорость изменений политического облика региона.

Помимо количественного сокращения объемов ресурсов (особенно военных), выделяемых для нужд внешней политики на БСВ, государства – члены ЕС и НАТО столкнулись с еще одной принципиальной проблемой, но уже качественного характера, – недостаточной эффективностью и, главное, результативностью прилагаемых усилий. В целом «западные демократии» к середине 2020-х годов так и не смогли выработать успешные схемы урегулирования (полного завершения) вооруженных конфликтов. Особые трудности возникли, *во-первых*, при поиске тактик борьбы с международным терроризмом и, *во-вторых*, в вопросах национализации урегулирования, т.е. своевременной передачи управления процессом по обеспечению мира и порядка местным силам, которые были бы достаточно дееспособны и легитимны. В первом случае показательна деятельность западной антитеррористической коалиции (создана в сентябре 2014 г. по инициативе США): она не смогла остановить наступление ИГИЛ*. Решающее поражение ИГИЛ* в Сирии в 2015–2017 гг., приведшее к отступлению его отрядов в Ирак и их последующему разгрому, нанесла группа незападных акторов: Россия, Иран и тогдашние власти САР. Именно их усилия сыграли главную роль в устранении причин кризиса беженцев и роста террористической угрозы в ЕС [Трунов, 2024]. Во втором случае символичен вывод контингентов НАТО из Афганистана (2021). В течение двух десятилетий именно это направление было самым масштабным как по объемам задействованных войск государств – членов Североатлантического альянса, так и по числу политических инициатив по борьбе с нестабильностью. Однако поддерживаемые НАТО афганские власти и силы безопасности утратили боеспособность, и всего за несколько недель власть перешла к актору, с которым «коллективный Запад» вел борьбу, – движению «Талибан». США при первой администрации Д. Трампа заключили с ним «сделку» (29 февраля 2020 г.), реализованную полностью уже при Дж. Байдене.

Задача статьи – исследовать подходы европейских государств к решению проблем безопасности на Большом Ближнем

Востоке в первой половине 2020-х годов. Методологически статья развивает положения теории урегулирования конфликтов и анализирует возможности управлять конфронтацией (на примере подхода стран – участниц ЕС и НАТО к «сдерживанию» ИРИ).

Рассматривая ситуацию на Большом Ближнем Востоке, специалисты-международники чаще всего рассматривали действия конкретных государств или институтов Евро-Атлантического сообщества в отношении определенного конфликта (или страны) этого региона. Работы, в которых давалась бы комплексная оценка усилий европейских стран по решению проблем безопасности в регионе в целом, особенно в первой половине 2020-х годов, когда его политический облик заметно менялся, практически отсутствуют. В настоящем номере журнала «Актуальные проблемы Европы» предпринята попытка частично восполнить данный пробел. Блок статей, открывающий номер, дает общую картину действий и планов стран – участниц ЕС и НАТО в сфере безопасности и обороны на Большом Ближнем Востоке, особое внимание уделяется взаимному восприятию акторов, а также использованию возможностей институтов Европейского союза и Североатлантического альянса по решению проблем безопасности. Далее исследуются стратегии и тактики крупных и средних европейских государств: Великобритании, Франции, Германии, Польши, Румынии, Италии и Испании.

Особенности сокращения военного присутствия государств – членов ЕС и НАТО на БСВ к середине 2020-х годов

В начале 2020-х годов государства – члены ЕС и НАТО использовали свои военные контингенты в основном на флангах Большого Ближнего Востока, прежде всего, в Афганистане и Мали.

В Афганистане действовала миссия НАТО «Решительная поддержка» (*англ.* Resolute Support Mission, RSM; с 2015 г.), которая, в отличие от предшествовавшей миссии Международных сил содействия безопасности (*англ.* International Security Assistance Force, ISAF), состояла лишь из инструкторов и советников, не включала войсковые части (кроме сил специальных операций, ССО). В таблице 1 приведена статистика по численности RSM в период ее полноценного функционирования (октябрь 2019 г.), в период заключения администрацией Д. Трампа «сделки» с «Талибаном» (февраль 2020 г.) и во время реализации соглашения при администрации Дж. Байдена (февраль 2021 г.). До заключения

«сделки» контингент США в RSM составлял около 50% (не считая 5,5 тыс. человек ССО, которые действовали в национальном качестве), европейских стран – участниц НАТО – около 40%, партнеров вне блока – около 10%. Крупнейшими европейскими странами – участницами RSM были Германия, Великобритания и Италия, суммарно предоставившие 20% от численности миссии (Франция не участвовала).

Изменения в численности контингентов к марту 2021 г. свидетельствовали, что Белый дом выполнял «делку», официальный Лондон – колебался, а Берлин и Рим, как и ряд других европейских континентальных стран – участниц НАТО противились выводу группировки из Афганистана. Однако RSM не могла функционировать без войск США, которые (особенно подразделения ССО) выполняли роль «щита» против талибов.

Тем не менее к осени 2021 г. местные недружественные Западу силы вынудили государства – члены НАТО полностью свернуть присутствие в геостратегически важнейшей для них зоне.

Таблица 1

**Численность миссии «Решительная поддержка»
(тыс. военнослужащих)**

Дата	Всего	Контингенты в составе миссии			
		США	Германия	Великобритания	Италия
2019 г., октябрь	17,2	8,5	1,3	1,1	0,9
2020 г. февраль	16,6	8,0	1,3	1,1	0,9
2021 г., февраль	9,6	2,5	1,3	0,8	0,9

Построено автором на основе: [Resolute Support ... , 2019 ; Resolute Support ... , 2020 ; Resolute Support ... , 2021].

К середине 2024 г. то же самое произошло и на юго-западном фланге Большого Ближнего Востока – в Мали, а также в сопредельных Буркина-Фасо и Нигере, странах из так называемой «Сахельской пятерки» (*англ.* G5 Sahel)¹. Здесь группа европейских государств действовала без поддержки США, а функции «щита» пытались выполнять ВС Франции. Были задействованы не только инструкторы, но и войсковые контингенты: страны-участницы применяли их как в национальном качестве (Франция), так и в составе миротворческой миссии ООН MINUSMA (прежде всего,

¹ Также в «Сахельскую пятерку» входят Мавритания и Чад.

ФРГ). Попытки проводить реформу сектора безопасности предпринимались в основном под эгидой ЕС в рамках военно-тренировочных миссий EUTM Mali (2013–2022) и Takuba (2020–2022). Последняя впервые в истории Европейского союза имела в своем составе боевую компоненту [Сидоров, 2022, с. 98]. На начало 2020-х годов в странах «Сахельской пятерки» находились 5,1 тыс. военнослужащих Франции [ibid.], а в Мали – до 1,4 тыс. военнослужащих Германии [Antrag ... , 2022, р. 5]. Эти показатели (суммарно 6,5 тыс. человек личного состава) превышали общую численность войск США в Африке (около 6 тысяч военных [Anti-war activists ... , 2020]), основные контингенты размещались в Нигерии и Сомали).

В 2013 г. Франция нанесла крупное поражение террористическим формированиям в Мали, однако не смогла их полностью разгромить. К началу 2020-х годов их остатки переместились с севера страны на юг, в сопредельные с Буркина-Фасо районы, успешно восстанавливали потенциал и активизировались, вступив в симбиотические связи с оргпреступностью. На этом фоне местные военные, утвердившиеся у власти в Мали (в августе 2020 г.; еще более укрепили свои позиции в мае 2021 г.), Буркина-Фасо (в январе 2022 г.) и Нигере (в июле 2023 г.), потребовали вывода контингентов Франции и ее партнеров по ЕС с территории данных стран. Таким образом, как и в Афганистане, ускоренный переход к национализации урегулирования осуществили силы, недружественные «западным демократиям».

Весной 2022 г. прекратила свою деятельность миссия EUTM Mali (де-факто ее персонал был перемещен из Мали в Нигер) [Antrag ... , 2022, р. 5], в июле – Takuba; к лету 2024 г. европейские контингенты были выведены из состава миссии ООН MINUSMA. Первой эвакуировала свои силы Франция, бывшая метрополия, которая во время работы миссий принимала на себя наибольшую нагрузку и тем самым – ключевую ответственность [Сидоров, 2022]. Предпоследней осуществила стратегический отход Германия. Она сохраняла свое присутствие в регионе дольше, чем Пятая республика, во многом потому, что демонстрировала взвешенность в вопросах силового использования войск, а также предоставляла масштабную официальную помощь в целях развития (ОПР) (например, вложения в обводнение полупустынной местности) [Rede ... , 2024]. Дольше всех сохраняла свое присутствие в Нигере Италия: этому способствовало осуждение Римом идеи ряда

государств – членов ЕС осуществить интервенцию в Нигер после прихода к власти военных.

В центральной части Большого Ближнего Востока использование военных контингентов европейских стран было незначительным по объемам и ограниченным по выбору форм. Большое влияние в данном случае оказал опыт иракской войны 2003 г., во время которой некоторые государства – члены НАТО (прежде всего, Германия и Франция) отказались поддержать масштабное наземное вторжение в Ирак сил «коалиции желающих» во главе с США и Великобританией, что не позволило задействовать здесь механизм Альянса. Занявшие взвешенную позицию страны оказались в выигрышном положении, поскольку в итоге сняли с себя ответственность за фактический распад Ирака (на населенный курдами север, населенный арабами-суннитами центр и шиитский юг) и появление здесь (в 2006 г.) группировки «Исламское государство Ирака»¹, укреплению которой не смогли воспрепятствовать ни контингенты США и Великобритании, ни дополнявшая их с 2004 г. тренировочная миссия Альянса (*англ.* NATO Training Mission – Iraq, NTM-I) по обучению иракских сил безопасности. Все эти силы были выведены из Ирака в 2011 г. [NATO Mission ... , 2025].

С 2006 г. некоторые европейские государства стали участвовать в деятельности миротворческой миссии ООН UNIFIL, развернутой на юге Ливана после 33-дневной войны между Израилем и «Хезболлой»: Франция вносила свой вклад в работу наземной компоненты UNIFIL, а Германия приняла на себя направляющую роль для морского соединения миссии. До середины 2020-х годов эти усилия были ключевой составляющей участия европейских стран в урегулировании арабо-израильского конфликта [Antrag ... , 2024 ; France is working ... , 2025].

Крайне деструктивное влияние на региональную безопасность, особенно в Северной Африке, оказала военно-воздушная операция в Ливии, проводившаяся группой стран – участниц НАТО во главе с Великобританией и Францией (19 марта – 31 октября 2011 г.). Ее основными следствиями, как и в Ираке в 2003 г., стали фактический распад страны (прежде всего, на запад и восток) и

¹ В 2013 г. группировка стала именовать себя «Исламским государством Ирака и Леванта» (ИГИЛ)*, а с 2015 г. – «Исламским государством»*, тем самым давая заявку на распространение своей власти на региональном и глобальном уровнях.

начавшаяся гражданская война. Напротив, отказ «западных демократий» от планировавшихся ударов ВВС по позициям правительственных войск в Сирии (в сентябре 2013 г.) принес положительные результаты: военно-политический кризис был урегулирован мирным путем благодаря инициативе РФ по ликвидации запасов химического оружия, в применении которого обвинялся официальный Дамаск [Трунов, 2024], и в итоге правительственные войска САР в определенный момент оказались едва ли не единственным эффективным препятствием на пути продвижения отрядов ИГИЛ*.

На фоне успехов ИГИЛ* в Сирии и Ираке в сентябре 2014 г. была создана западная антитеррористическая коалиция с ведущим участием США. Однако несмотря на то, что отряды (по сути, регулярные формирования) ИГИЛ* установили постоянный контроль над обширными территориями, ни США, ни тем более европейские страны не стали разворачивать здесь свои сухопутные войска, положившись на применение в регионе курдских отрядов пешмерга и сил центральноиракского правительства. «Западные демократии» ограничились использованием ВВС (на всем сирийско-иракском ТВД), направили инструкторов, советников и развернули штабы в Иракском Курдистане и «суннитском треугольнике». Показательно, что силы, действующие под эгидой НАТО как организации, с запозданием и весьма ограниченно подключилась к деятельности западной антитеррористической коалиции в Ираке (в отличие от ситуации в Афганистане с начала 2000-х годов). С апреля 2016 г. небольшие группы личного состава из местных подразделений стали обучаться в Иордании, и только в ноябре 2018 г. военно-тренировочная миссия НАТО (*англ.* NATO Mission Iraq, NMI) была развернута на иракской территории [NATO Mission ... , 2025]. К этому времени благодаря усилиям РФ, ИРИ и тогдашних властей САР уже произошел решающий перелом в борьбе с ИГИЛ*, в том числе был ослаблен его потенциал в Ираке (из-за переброски сил в Сирию) [Трунов, 2024]. Это позволило государствам – членам НАТО нарастить свое присутствие в Ираке (в числе прочего – чтобы не допустить дальнейшего роста влияния Ирана, проиранской «оси сопротивления» и России в регионе).

Вместе с тем миссия NMI показательна как пример весьма ограниченной активности ВС стран – участниц ЕС на Ближнем Востоке. Европейские государства не проявили себя ни в момент резкого обострения палестино-израильского конфликта (с 7 октяб-

ря 2023 г.), ни в период последующего критического ослабления западной части проиранской «оси сопротивления». Заметную роль в ослаблении проиранской «оси» сыграли воздушные удары (с 23 сентября 2024 г.) и наземная операция (основная фаза с 1 октября по 22 ноября 2024 г.) ЦАХАЛ в Ливане против «Хезболлы», а ключевое значение имели наступление протурецкой группировки ХТШ* в Сирии, приведшее к падению прежней власти (27 ноября – 8 декабря 2024 г.), а также занятие Израилем территории к югу от Дамаска. В результате Сирия из союзника Ирана превратилась в его оппонента, а дружественная ИРИ «Хезболла» была обескровлена. Однако на этом фоне основные европейские государства-комплектаторы UNIFIL (прежде всего, Германия и Франция) лишь незначительно увеличили свою активность [Antrag ... , 2024 ; France is working ... , 2025].

Государства – члены ЕС приняли войсковое участие в противодействии проиранской «оси сопротивления» только на ее южном участке, после того как в октябре 2023 г. о своей солидарности с ХАМАС объявили йеменские хуситы. Атаки хуситов создали в Красном море угрозу для судов, следующих в Израиль и поддерживавшие его страны. В декабре 2023 г. США и Великобритания развернули в Красном море группировку ВМС для борьбы с хуситами. 19 февраля 2024 г. для ее поддержки была учреждена военноморская миссия ЕС EUNAVFOR ASPIDES (в первое полугодие своей деятельности имела до семи кораблей [EUNAVFOR Operation ... , 2025]). Тем не менее вопрос об эффективности сил EUNAVFOR ASPIDES остается открытым. К лету 2025 г. ни США, ни тем более страны – участницы ЕС не смогли достичь решающего перелома в борьбе с хуситами. Такой результат явно диссонирует с крупными и быстрыми успехами ЦАХАЛ и протурецкой ХТШ* в Ливане и особенно в Сирии.

Использование дипломатических инструментов для урегулирования

Свои политические возможности для решения острых проблем безопасности европейские страны применяли на Большом Ближнем Востоке более равномерно – как на флангах, так и в центре региона.

В качестве инструмента урегулирования в Афганистане использовался Боннский процесс (декабрь 2001 – сентябрь 2005 г.), в рамках которого были учреждены постоянные органы централь-

ной власти, а в середине 2000-х годов стали активно создаваться органы местной власти с использованием провинциальных восстановительных команд. Де-юре считалось, что первая задача была выполнена полностью, вторая – частично. Но в конечном итоге достижения Боннского процесса обнулились в ходе наступления «Талибана» в 2021 г. [Afghanistan lessons ... , 2021].

Осознание последствий вторжения в Ирак (2003) способствовало тому, что ведущие государства – члены ЕС воздержались от повторения подобного сценария в отношении Ирана. Одновременно ставилась задача не допустить чрезмерного усиления ИРИ. С целью предупредить появление у Ирана ЯО была создана «евротройка» (ЕЗ: Великобритания, Германия, Франция), которая с 2005 г. вошла в «шестерку» государств (США, РФ, КНР, Великобритания, Германия, Франция), подписавших 14 июля 2015 г. Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) по иранской ядерной программе; страны – участницы ЕС рассматривали заключение СВПД как крупный успех. После выхода США из «ядерной сделки» с Ираном при администрации Д. Трампа (8 мая 2018 г.) «евротройка» демонстрировала приверженность выполнению соглашения. К этому времени она фактически стала «четверкой» с участием ЕС как объединения (ЕЗ + EU). Администрация Дж. Байдена рассматривала возможность вернуться к выполнению СВПД, но не сделала этого. В 2022–2023 гг. «евротройка» приостановила свое участие в «ядерной сделке», обвинив Иран в том, что с 2019 г. он вышел за ограничения, установленные СВПД. Таким образом, работа формата, который европейские страны считали эффективным еще в 2020–2021 гг., фактически прекратилась [Das iranische ... , 2025].

После начала вооруженного конфликта в Сирии (с 2011 г.) европейские страны оказывали политическую и финансовую поддержку «умеренной» сирийской оппозиции, содействовали консолидации ее политических сил в рамках Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил (ETILAF). В 2012–2014 гг. для координации оказания помощи ETILAF действовала Группа друзей Сирии (ГДС). Но в итоге этот формат распался (число стран-участниц сократилось от более 100 до 11). Фактически ГДС прекратила свою деятельность на фоне отказа стран «коллективного Запада» от проведения военно-воздушной операции против официального Дамаска (сентябрь 2013 г.) и развернувшегося в 2014–2015 гг. наступления ИГИЛ*.

После решающих поражений, которые нанесли ИГИЛ* Россия, Иран и тогдашние власти САР в 2015–2017 гг., была создана «Малая группа по Сирии» (МГС). В отличие от ГДС, состав МГС был ограничен: в группу вошли государства НАТО (США, Великобритания, Германия, Франция), их ближайший союзник на Ближнем Востоке (Иордания) и наиболее влиятельные арабские страны (Египет и Саудовская Аравия). Показательно отсутствие в этом списке Турции. На БСВ она чаще всего действовала обособленно от других стран – участниц НАТО: осуществляла военные операции на севере Сирии и Ирака против курдов (которых ведущие европейские государства рассматривали как партнеров), вошла в «Астанинский треугольник» с участием России и Ирана.

МГС стремилась обеспечить преимущественное представительство EUPAF в реформируемой системе власти в Сирии [Joint Statement ... , 2020], но эта задача не была выполнена: в конце 2010-х годов тогдашнее руководство САР, которое совместно с РФ и ИРИ внесло решающий вклад в поражение ИГИЛ*, вернуло себе контроль над большей частью страны. Остатки формирований оппозиции отошли в провинцию Идлиб – турецкую зону деэскалации. После этого МГС фактически прекратила свою деятельность, и в начале 2020-х годов ведущие европейские страны сосредоточились на координации усилий с Турцией с целью не допустить полного разгрома отрядов сирийской оппозиции.

В первой половине 2020-х годов формирования сирийской оппозиции перегруппировались; большая часть их вошла в состав группировки «Хайят Тахрир аш-Шам»* (ХТШ*). 27 ноября 2024 г. ХТШ* перешла в наступление, приведшее к взятию Дамаска уже 8 декабря 2024 г. Страны – участницы ЕС поспешили оперативно воспользоваться этими переменами: уже 3 января 2025 г. Сирию посетили с визитом главы МИД Германии и Франции [Außenministerin Annalena ... , 2025]. Однако переговоры с новым руководством САР оказались не такими успешными, как предполагалось. Сирийская оппозиция состояла из двух частей: политических функционеров (которые, собственно, составляли основу EUPAF) и автономных военных отрядов. Именно последние в реальности утвердились у власти: фактическим главой Сирии стал командующий формированиями ХТШ* А. аш-Шараа. Государства – члены ЕС поддерживали связи в основном с EUPAF (часть ее руководителей работала в эмиграции в Европейском союзе), а ХТШ* и другие военные отряды в основном ориентировались на

Турцию. При этом руководители ХТШ* весьма критически относятся к либеральным ценностям. Вместе с тем новые власти Сирии заинтересованы в официальном признании со стороны ЕС; еще более они нуждаются в получении гуманитарной помощи и ОПР. 20 мая 2025 г. Евросоюз отменил санкционный режим в отношении Сирии. Страны «коллективного Запада» поддерживают курс ХТШ* на «сдерживание» Ирана, но недовольны тем, что группировка не готова участвовать в конфронтации с Россией. Помимо прочего, государства – члены ЕС заинтересованы в том, чтобы ХТШ* продолжала борьбу с ИГИЛ* в Сирии с целью не допустить воспроизведения ситуации 2015–2017 гг.

Стремление избежать повторения миграционного кризиса 2015–2017 гг. во многом определяет линию стратегического поведения западных стран на всем Большом Ближнем Востоке, в том числе в зоне палестино-израильского конфликта, в Северной Африке и сопредельном Сахара-Сахельском регионе.

Страны – участницы ЕС закономерно осудили нападение ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г. Вместе с тем их отношение к началу полноценной наземной операции ЦАХАЛ в секторе Газа (с 27 октября 2023 г.) заметно различалось: от принятия данного факта (позиция Германии с учетом ее ответственности за Холокост и безопасность еврейского государства) до сдержанно-критического отношения (например, у Франции). В последнем случае огромное значение имело наличие в государствах – членах ЕС больших мусульманских, особенно арабских, общин, которые жестко осуждали Израиль и выражали поддержку народу Палестины (см., напр.: [Лапина, 2024]). В отличие от США, страны – участницы ЕС не оказали какой-либо заметной военной поддержки Израилю. Напротив, по мере затягивания операции ЦАХАЛ в Газе все чаще раздавались призывы организовывать гуманитарные коридоры, заключить перемирие; осуществлялись поставки гуманитарной помощи: через Египет – в Газу, через Иорданию – на Западный берег реки Иордан при одновременном поддержании контактов с движением ФАТХ. Государства – члены ЕС все настойчивее настаивали на безальтернативности формулы «два государства для двух народов» в качестве основы для урегулирования палестино-израильского конфликта. После начала операции Израиля в Ливане (сентябрь – ноябрь 2024 г.) европейские страны посылали различные «сигналы» Тель-Авиву о недопустимости на-

рушения территориальной целостности владений официального Бейрута.

При этом ведущие государства Европы не выступали с осуждением действий Израиля ни при нанесении ударов с использованием ВВС и ракет по элементам проиранской «оси сопротивления», в том числе по посольству ИРИ в САР (1 апреля 2024 г.), ни после убийства в Тегеране лидера ХАМАС И. Хании (31 июля 2024 г.), ни при вводе войск ЦАХАЛ в Сирию в декабре 2024 г. Одновременно они (совместно с США) подвергали Иран жесткому политическому давлению, чтобы заставить его отказаться от ответных шагов [Joint Statement ... , 2024].

К середине 2020-х годов стали очевидными неудачи на важнейших направлениях дипломатических усилий стран – участниц ЕС по урегулированию в Африке – в Ливии и Мали. В ходе работы Берлинской конференции по Ливии (встречи 19 января 2020 г. и 23 июня 2021 г.), запущенной во многом благодаря поддержке России, были достигнуты договоренности о прекращении огня между основными сторонами ливийской гражданской войны [Zweite Berliner ... , 2021]. Но уже в начале 2020-х годов процесс урегулирования за буксовал: так и не были проведены президентские выборы, назначенные на декабрь 2021 г., а в мае 2025 г. в Триполи вновь вспыхнули боевые действия. В какой-то степени этому способствовали стремление стран – участниц ЕС вывести Россию из переговорного процесса (по сути, уже с 2021 г.), а также позиция Турции, рассчитывающей сохранить свое присутствие в Ливии и соответственно не желавшей следовать установкам европейских стран.

В Мали в мае-июне 2015 г. были заключены соглашения между официальным Бамако и восставшими сепаратистами-туарегами: последние соглашались на сохранение территориальной целостности страны в обмен на предоставление им расширенной автономии. Гарантами договоренностей выступили Франция и Германия (см.: [Сидоров, 2022]), предоставившие властям Мали большую военную, политическую и экономическую помощь. Тем не менее они не смогли побудить официальный Бамако выполнить обязательства в отношении туарегов. После прихода военных к власти в Бамако (2021) сепаратисты вновь перешли к боевым действиям; причем Франция и Германия фактически поддерживали туарегов, безуспешно пытаясь сохранить свое присутствие в подконтрольной туарегам зоне [Antrag ... , 2022, p. 7–9].

В целом к середине 2020-х годов результативность как политико-дипломатических, так и военных усилий европейских стран по решению проблем безопасности на Большом Ближнем Востоке оказалась довольно низкой.

В поисках новых смыслов для обоснования присутствия

Сокращению стратегического присутствия и влияния европейских государств на Большом Ближнем Востоке сопутствовала другая проблема – постоянные неудачи в попытках стать гарантами стабильности для расположенных в регионе многочисленных конфликтогенных стран. Для того, чтобы переформатировать и укрепить свою слабеющую систему стратегического присутствия, западным странам требовалось найти качественно новое целеполагание для приложения военных и политико-дипломатических усилий. Таковым они избрали *«сдерживание» ИРИ как системного оппонента*.

Следует подчеркнуть, что в самом начале 2020-х годов такое восприятие Ирана *еще* не утвердилось. Группа ЕЗ + ЕУ выступала за сохранение СВПД, несмотря на выход США из этого соглашения. Европейские государства стремились избегать столкновений с проправительственными силами в Сирии, с «Хезболлой», с шиитскими ополчениями на юге Ирака, т.е. с элементами проиранской «оси сопротивления». Некоторые государства – члены ЕС (прежде всего, ФРГ) побуждали Саудовскую Аравию и другие монархии Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) прекратить военные операции против йеменских хуситов, рассматривая эти боевые действия как прокси-конфликт с Ираном, который может перерасти в полномасштабную войну.

Но к середине 2020-х годов переход к «сдерживанию» ИРИ уже стартовал. В 2022–2023 гг. государства – члены ЕЗ + ЕУ приостановили свое участие в СВПД (срок действия которого истекает в 2025 г.). Европейские государства не препятствовали ударам и наземным действиям Израиля, а также наступлению ХТШ*, способствовавшим разрушению несущих элементов «оси сопротивления» в ее западной части. Более того, как только была ослаблена «Хезболла» (октябрь–ноябрь 2024 г.), а прежняя власть в САР прекратила свое существование (декабрь 2024 г.), страны Запада резко интенсифицировали взаимодействие с официальным Бейрутом, установили контакты с новыми властями в Дамаске, активизировали свою деятельность в Ираке. С февраля 2024 г. страны – уча-

стницы ЕС развернули в Красном море миссию ВМС EUNAVFOR ASPIDES для совместного с США и Великобританией противодействия хуситам.

В принятой на Мадридском саммите НАТО (28–30 июня 2022 г.) стратегической концепции в число источников угроз наряду с Россией и Китаем был включен Иран, который обвинялся в дальнейшем развитии своей ядерной программы [NATO 2022 strategic ... , 2022, р. 3–5]. Еще одно основание для жесткой критики ИРИ – военно-техническое сотрудничество Тегерана с Москвой на фоне СВО РФ [Washington Summit ... , 2024].

Данный подход полностью соответствует логике смены стратегических смыслов при использовании государствами – членами ЕС и НАТО своих возможностей в сфере безопасности и обороны. Первоочередной задачей для этих стран становится уже не противодействие угрозам в зонах нестабильности, но «сдерживание» системных оппонентов с целью сохранить «западноцентричность» нового, формирующегося миропорядка. Иран был избран в качестве одного из ключевых объектов для противодействия, наряду с Россией и Китаем. Государства – члены ЕС и НАТО начали подчеркивать, что вертикаль власти в ИРИ является недемократической, порицать Тегеран за несоблюдение прав человека, конструировать его образ как государства-агрессора [Joint Statement ... , 2024 ; Washington Summit ... , 2024]. За этой риторикой стояло стремление предельно сократить влияние Ирана на БСВ, вывести его «за скобки» региональных процессов, содействовать смене политической системы страны.

Европейские государства рассчитывали, что переход к «сдерживанию» ИРИ поможет им укрепить отношения одновременно с Израилем, Турцией и арабскими странами, в том числе с Саудовской Аравией, придать новый импульс и новую направленность расширению географии, а также форм и объемов своего военного и политико-дипломатического присутствия в регионе. Возможный успех на БСВ создал бы благоприятный фон и для активизации усилий стран – участниц ЕС в Северной Африке.

Однако по состоянию на 2025 г. уже очевидно, что реальность заметно отличается от ожиданий. Подавляющее большинство арабских государств не готово активно участвовать в конфронтации с ИРИ, а тем более – с РФ. Более того, по сравнению с концом 2010-х – началом 2020-х годов ирано-саудовские отношения заметно улучшились. Одна из важнейших причин такого

положения дел состоит в том, что не только Тегеран, но также Эр-Рияд и Абу-Даби во все большей степени считают себя сопричастными к многосторонним процессам, протекающим вне Евро-Атлантического сообщества. Так, с 2024 г. ИРИ и ОАЭ вошли в БРИКС, а КСА готовится присоединиться к объединению. Власти в Багдаде осенью 2024 г. настояли на выводе военнослужащих США из Ирака к весне 2026 г., тем самым демонстрируя свое нежелание даже опосредованно участвовать в «сдерживании» Ирана. По аналогии с ситуацией 2011 г. высока вероятность того, что военно-тренировочная миссия НАТО NMI прекратит работу в Ираке, хотя страны – участницы Альянса стремятся ее сохранить (в феврале 2025 г. Ирак посетил генсек НАТО М. Рютте) [NATO Mission ... , 2025].

Израиль, напротив, занимает намного более жесткую позицию в отношении Ирана по сравнению с европейскими странами, обозначая свою готовность к военному конфликту. ЦАХАЛ уже добился серьезных успехов – резко ослабил ХАМАС (и контролирует большую часть сектора Газа), «Хезболлу», занял юг Сирии – без какого-либо военного участия со стороны западных стран. Тель-Авив не готов полноценно учитывать позицию стран – участниц ЕС и НАТО и не приемлет их политические попытки ограничить Израиль в применении силы против Ирана.

Турция продолжает последовательно проводить собственную политическую линию, обособленную от линии государств-партнеров по НАТО, причем не только на Ближнем и Среднем Востоке, но также в Северной Африке (в Ливии) и Сахеле. В большой степени такому подходу способствует приход к власти в Сирии движения ХТШ*, ориентированного на Анкару.

Стратегия, которую европейские государства – члены Североатлантического альянса избрали на БСВ к середине 2020-х годов, близка к стратегии, реализуемой США при новой администрации Д. Трампа, интенсифицировавшей отношения с Израилем и Саудовской Аравией. Однако 47-й президент Соединенных Штатов сосредоточился только на укреплении позиций своей страны и не намерен способствовать росту влияния европейских стран в регионе.

Помимо ценностных расхождений с европейскими странами, Д. Трамп, обладающий бизнес-мышлением, наверняка учитывает огромную разницу в размерах военного присутствия на Ближнем Востоке. В 2024 г. – первые месяцы 2025 г. Соединенные Штаты

держали в этом регионе от 40 до 45 тыс. военнослужащих [US forces ... , 2025], что кратно превышало суммарный объем сил ведущих европейских государств (Великобритания имела менее 0,4 тыс. солдат и офицеров [UK defence ... , 2024]; Германия – 0,8 тыс. человек личного состава, включая военнослужащих в составе миссий UNIFIL, EUNAVFOR ASPIDES, NMI и западной антитеррористической коалиции [Wie lauten ... , 2025]; Франция имела несколько большие силы – ее контингент в UNIFIL насчитывал 0,7 тыс. военных [France is working ... , 2025], она располагала военными базами в ОАЭ, французские военнослужащие были дислоцированы также в Иордании и Ираке).

Имеют ли европейские страны – участницы НАТО достаточный резерв сил и средств для возможного развертывания на БСВ? Само наличие такой опции, даже без ее применения на практике, может повысить ценность европейских союзников как для США, так и для ряда региональных игроков. Европейский союз как объединение едва ли будет востребован в регионе: под эгидой ЕС развертываются в основном небольшие миссии (несколько сотен, максимум несколько тысяч человек каждая), притом обычно лишь военно-тренировочные или морские (примеры – EUTM Mali и EUNAVFOR ASPIDES). Потенциально востребованным инструментом могут стать силы союзнического реагирования НАТО (англ. Allied Reaction Force, ARF), которые начали функционировать с июля 2024 г., сменив силы быстрого реагирования (СБР; англ. NATO Response Force, NRF). США, предложившие создать NRF еще в 2002 г. и укомплектовать практически полностью за счет сменных контингентов европейских стран-участниц, рассчитывали использовать их вне зоны ответственности НАТО – прежде всего, для подготавливаемого вторжения в Ирак. Однако группа государств – членов ЕС во главе с Германией и Францией отказалась участвовать в иракской кампании (2003), хотя и поддержала саму идею создания NRF и принцип их комплектования. Организационная структура NRF постепенно совершенствовалась, а численность заметно возросла (до 40 тыс. военнослужащих по штату) в условиях конфронтации «коллективного Запада» и РФ [NATO Response ... , 2025]. Если у NRF наземная компонента в основном состояла из «тяжелых» частей (танковых и механизированных), то наземная компонента ARF включает в основном «средние» (мотопехотные) и «легкие» (аэромобильные, воздушно-десантные) подразделения. Это резко увеличивает возможности по использова-

нию данной группировки Альянса вдали от его зоны ответственности, в том числе на БСВ. В отличие от ситуации 2002–2003 гг., в современных реалиях европейские государства – члены НАТО с высокой долей вероятности могут согласиться на подобное задействование ARF [Deni, 2024], поскольку в настоящее время они заметно снижают порог (набор условий для) применения силы.

Вместе с тем по состоянию на весну 2025 г., вероятность боевого использования ARF против ИРИ крайне мала. Европейские страны заинтересованы в том, чтобы ослабить позиции Тегерана на БСВ и внутри страны без крупномасштабной войны, понимая, что такая война приведет к новому миграционному кризису и укреплению террористических группировок в несоизмеримо больших масштабах, чем это было в 2015–2017 гг.

К середине 2020-х годов европейские государства были вынуждены свернуть свое стратегическое присутствие в Афганистане и Мали; политико-дипломатические усилия европейских стран оказались недостаточно результативными в Сирии и Ливии. При урегулировании палестино-израильского конфликта страны – участницы ЕС, пытаясь найти баланс между интересами Тель-Авива, ПНА и арабских государств, во все возрастающей степени стали учитывать обеспокоенность последних. В настоящее время происходит смена целеполагания в отношении присутствия европейских государств на БСВ: от попыток стать гарантами безопасности для стран происхождения конфликтов они переходят к «сдерживанию» ИРИ. Тем не менее европейские государства не сыграли заметной роли в ослаблении западной части проиранской «оси сопротивления» (в Ливане и Сирии), хотя и стремятся политически воспользоваться сложившейся ситуацией. Их собственные усилия на южном фланге «оси», направленные против йеменских хуситов, малоэффективны.

Резко ужесточив риторику в отношении ИРИ на декларативном уровне, на практике страны Европы к середине 2020-х годов не смогли выстроить собственную систему «сдерживания» Ирана и вынуждены во многом подстраивать свои планы под успешные действия региональных игроков (Израиля, протурецкой ХТШ*). Несмотря на попытки европейских игроков нарастить свои потенциальные военные возможности (прежде всего, по линии НАТО),

на ближайшую перспективу преодоление ими указанных сложностей маловероятно (в том числе – с учетом курса администрации Д. Трампа).

Литература / References

Лапина Н.Ю. (2024). Интеграция иммигрантов и политика в отношении национальных меньшинств в странах Европы // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 3. – С. 7–25 [Lapina N.Yu. (2024). Integration of immigrants and policies towards national minorities in European countries [*Integratsiya immigrantov i politika v otnoshenii natsional'nykh men'shinstv v stranakh Evropy*] // Current problems of Europe / РАН, INION. – Moscow. – N 4. – P. 7–25]. (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2024.03.01.

Новикова О.Н. (2024). Мобилизация диаспор в Европе // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 3. – С. 174–190 [Novikova O.N. (2024). Diaspora mobilization in Europe [*Mobilizatsiya diaspor v Evrope*] // Current problems of Europe / РАН, INION. – Moscow. – N 3. – P. 174–190]. (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2024.03.10.

Сидоров А.С. (2022). Военно-политический баланс возможностей Франции в Сахеле : этапы и механизмы выхода с ТВД // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 4. – С. 79–108 [Sidorov A.S. (2022). The military-political balance of France's capabilities in the Sahel : stages and mechanisms of exit from the theater of operations [*Voenno-politicheskii balans vozmozhnostei Frantsii v Sakhele : etapy i mekhanizmy vykhoda s TVD*] // Current problems of Europe / РАН, INION. – Moscow. – N 4. – P. 79–108]. (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2022.04.04.

Сидоров А.Ю. (2024). Отношения США и Китая при администрации Дж. Байдена : новый этап противостояния // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 4. – С. 27–48 [Sidorov A.Yu. (2024). The US–China relations during the Biden administration : a new stage of competition [*Otnosheniya SShA i Kitaya pri administratsii Dzh. Baidena : novyi etap protivostoyaniya*] // Current problems of Europe / РАН, INION. – Moscow. – N 4. – P. 27–48]. (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2024.04.02.

Трунов Ф.О. (2024). Россия как гарант безопасности для Запада в сфере борьбы с угрозами нестабильности // История / РАН, ИВИ. – Москва. – Т. 15, № 12, Часть II. – URL: <https://history.jes.su/s207987840033936-8-1/?sl=ru> (дата обращения: 15.08.2025) [Trunov Ph.O. (2024). Russia as a security guarantor for the West in the struggle with instability threats [*Rossiia kak garant bezopasnosti dlya Zapada v sfere bor'by s ugrozami nestabil'nosti*] // Istoriya / RAS, IGH. – Moscow. – Vol. 15, Issue 12, Part II. – URL: <https://history.jes.su/s207987840033936-8-1/> (date of access: 15.08.2025)]. (In Russian). DOI: 10.18254/S207987840033936-8.

Afghanistan lessons learned process. (2021) / NATO. – Brussels. – 2 p. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2021/12/pdf/2112-factsheet-afgh-lessons-en.pdf (date of access: 15.08.2025).

Anti-war activists raise alarm over United States' fast-growing military presence across Africa. (2020) // Tehran Times. – Tehran. – 06.05. – URL:

<https://www.tehrantimes.com/news/447575/Anti-war-activists-raise-alarm-over-United-States-fast-growing> (date of access: 15.08.2025).

Antrag der Bundesregierung : Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). (2022) / Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. – Berlin. – 11.05. – 12 S. – (Drucksache 20/1761). – URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/017/2001761.pdf> (date of access: 15.08.2025).

Antrag der Bundesregierung : Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der «United Nations Interim Force in Lebanon» (UNIFIL). (2024) / Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. – Berlin. – 15.05. – 8 S. – (Drucksache 20/11411). – URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/114/2011411.pdf> (date of access: 15.08.2025).

Außenministerin Annalena Baerbock vor ihrer Abreise nach Damaskus. (2025) / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 03.01. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/baerbock-damaskus-2692368> (date of access: 15.08.2025).

Das iranische Atomprogramm. (2025) / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 19.03. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/service/laender/iran-node/wiener-nuklearvereinbarung-atomprogramm-iran-202458> (date of access: 15.08.2025).

Deni J.R. (2024). The new NATO Force model : ready for launch? / NATO defence college outlook. – Rome. – 27.05. – URL: <https://www.ndc.nato.int/the-new-nato-force-model-ready-for-launch/> (date of access: 15.08.2025).

EUNAVFOR Operation ASPIDES. (2025) / Diplomatic service of the European Union. – Brussels. – URL: https://www.eeas.europa.eu/eunavfor-aspides_en?s=410381 (date of access: 15.08.2025).

France is working to put an end to the cycle of violence in the Middle East. (2025) / Permanent mission of France to the United Nations in New York. – New York. – 17.01. – URL: <https://onu.delegfrance.org/france-is-working-to-put-an-end-to-the-cycle-of-violence-in-the-middle-east> (date of access: 15.08.2025).

Joint Statement by the foreign ministers of the Small Group on Syria. (2020) / US Department of State. – Washington, D.C. – 22.11. – URL: <https://2017-2021.state.gov/joint-statement-by-the-foreign-ministers-of-the-small-group-on-syria-4/> (date of access: 15.08.2025).

Joint Statement from the United States, United Kingdom, France, Germany, and Italy on the Middle East. (2024) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 12.08. – 1 p. – URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/992814/2302590/2199ba6aeab18cd34ed688173ad58bf5/2024-08-12-middle-east-data.pdf> (date of access: 15.08.2025).

NATO 2022 strategic concept. (2022) / NATO. – Brussels. – 13 p. – URL: <https://www.act.nato.int/wp-content/uploads/2023/05/290622-strategic-concept.pdf> (date of access: 15.08.2025).

NATO Mission Iraq. (2025) / NATO. – Brussels. – 03.06. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_166936.htm (date of access: 15.08.2025).

NATO Response Force (2002–2024). (2025) / NATO. – Brussels. – 03.04. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49755.htm (date of access: 15.08.2025).

Rede von Bundeskanzler Scholz bei der zentralen Abschlussveranstaltung der Bundeswehr nach Ende der UN-Mission in Mali. (2024) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 11.05. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzler>

scholz-bei-der-zentralen-abschlussveranstaltung-der-bundeswehr-nach-ende-der-unmission-in-mali-2270716 (date of access: 15.08.2025).

Resolute Support Mission (RSM) : key facts and figures. (2019) / NATO. – Brussels. – 2 p. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2019_10/20191022_2019-10-RSM-Placemat.pdf (date of access: 15.08.2025).

Resolute Support Mission (RSM) : key facts and figures. (2020) / NATO. – Brussels. – 2 p. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2020/2/pdf/2020-02-RSM-Placemat.pdf (date of access: 15.08.2025).

Resolute Support Mission (RSM) : key facts and figures. (2021) / NATO. – Brussels. – 2 p. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2021/2/pdf/2021-02-RSM-Placemat.pdf (date of access: 15.08.2025).

UK defence personnel statistics. (2024) / UK Parliament. – London. – 13.08. – URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-7930/> (date of access: 15.08.2025).

US forces in the Middle East : mapping the military presence. (2025) / Ferragamo M., Roy D., Masters J., Merrow W. ; Council on foreign relations. – New York. – 28.03. – URL: <https://www.cfr.org/article/us-forces-middle-east-mapping-military-presence> (date of access: 15.08.2025).

Washington Summit declaration. (2024) / NATO. – Washington, D.C. – 10.07. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_227678.htm (date of access: 15.08.2025).

Wie lauten die Einsatzzahlen? (2025) / Bundeswehr. – Berlin. – 12.05. – URL: <https://www.bundeswehr.de/de/151670-151670> (date of access: 15.08.2025).

Zweite Berliner Libyen-Konferenz : neue Phase für Frieden in Libyen. (2021) / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 23.06. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/service/laender/libyen-node/zweite-libyen-konferenz-2467338> (date of access: 15.08.2025).

DOI: 10.31249/ape/2025.04.01

Trunov Ph.O.¹

***European states and security challenges
in the Greater Middle East:
aspirations and military-political capabilities***

Abstract. *Security problems in the Greater Middle East have created both new opportunities (to demonstrate responsibility as security guarantees) and new threats (vulnerability) for European countries. The constant leitmotif of the plans and actions of the EU member states in the Middle East, North*

¹ **Trunov Philipp Olegovich** – ScD in Political Sciences, Leading Researcher, INION RAN (ltrunov@mail.ru). ORCID: 0000-0001-7092-4864.

Africa and the Sahel region is the aspiration to prevent the repetition of the refugee crisis and increase in terrorist activity in Europe (2015–2017).

Methodologically, this article develops the provisions of the theory of conflict resolution and examines the possibilities of managing confrontation (on the example of Iran's «containment»). The author analyzes the reasons for the elimination of the military presence of European states in Afghanistan (2021) and Mali (2024), i.e. on the «flanks» of the Greater Middle East, and the decrease in the use of the armed forces of the EU member states in the central part of the region. The shortcomings of European states' usage of political and diplomatic tools in the conflict resolution process are examined. It is indicated that after the aggravation of the Palestinian-Israeli conflict (since October 7, 2023), the EU member states tried to balance between the interests of Tel Aviv, the Palestinian National Authority (PNA) and Arab countries.

Having failed in their attempts to present some security guarantees for the unstable countries of the Greater Middle East, European states in 2022–2024 initiated the transition to «containment» of Iran. The EU member states have not played a significant role in the critical weakening of the western part of pro-Iranian «axis of resistance» (in Lebanon and especially in Syria), but have tried to take advantage of the situation. Their own fight against the Yemeni Houthis has been ineffective.

The article concludes about the crisis of European states' strategic presence in the Greater Middle East and the limitations of their ability to overcome it in the nearest future.

Keywords: *Greater Middle East, Near and Middle East, North Africa, Sahel, NATO, EU, Afghanistan, Mali, Libya, Syria, Iraq, Palestinian-Israeli conflict, Iran, «containment», USA, Trump.*

Статья поступила в редакцию (Received) 12.05.2025
Доработана после рецензирования (Revised) 14.05.2025
Принята к публикации (Accepted) 19.05.2025